

ТОЧКА ЗРЕНИЯ / POINT OF VIEW

Научная статья / Research article

Постсоветский регионализм на перепутье

М. М. Агазаде*¹, Д. А. Дегтерев**^{1,2}, К. П. Курылев***¹

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² МГИМО МИД России

* ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

** ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>; e-mail: degterev-da@rudn.ru

*** ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>; e-mail: kurylev-k@rudn.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 значительно ускорила глобальный транзит власти (от США к КНР) и формирование «новой биполярности» в Евразии (Запад vs неЗапад), которое еще больше активизировалось после начала СВО в феврале 2022 г. и приобрело бесповоротный характер. В данном контексте традиционные взгляды на евразийский и постсоветский регионализм как периферию евро-атлантических интеграционных процессов нуждаются в переоценке. Если РФ после событий 2014 г. и особенно 2022 г. разорвала значительную часть институциональных отношений с евроатлантическими интеграционными структурами, то в целом ряде постсоветских стран инерционно продолжается и даже усиливается «рудиментарная многовекторность». Так, за последние пять лет большинство стран Центральной Азии перешли от базовых соглашений о партнерстве с ЕС к соглашениям о расширенном партнерстве, включающем как экономические, так и политические аспекты сотрудничества. Сохраняются и диалоговые форматы сотрудничества постсоветских стран (кроме РФ) с НАТО, в т.ч. Концепция оперативных возможностей, Программа совершенствования военного образования, Платформа оперативной совместимости, «Партнерство ради мира» и другие. Как показал украинский кризис, обострение соперничества евразийского и евроатлантического форматов регионализма зачастую переводит соперничество в силовую плоскость, чего хотелось бы по возможности избежать. На повестке дня – повышение субъектности постсоветского регионализма с переходом его от европоцентричного к незападному, азицентричному с вовлечением ЕАЭС, ШОС, БРИКС и АСЕАН. В данной статье представлены основные проблемы и перспективы данного процесса, динамика которого будет определять формирование незападного регионализма в Евразии.

Ключевые слова: незападный регионализм, Евразия, постсоветское пространство, СНГ, периферийный реализм, ЕС, «новая биполярность», США-КНР, прагматичное евразийство

Благодарности: авторы выражают искреннюю признательность участникам научного семинара по незападному регионализму в Евразии кафедры теории и истории международных отношений РУДН, состоявшегося 24 марта 2023 г., за их оценки и ценные комментарии, послужившие толчком к написанию данной статьи.

Для цитирования: Агазаде М. М., Дегтерев Д. А., Курылев К. П. Постсоветский регионализм на перепутье // Постсоветские исследования. 2023;3(6):341-351.

Post-Soviet regionalism at a crossroads

Mirmehdi M. Aghazada*¹, Denis A. Degterev**^{1,2}, Konstantin P. Kurylev***¹

¹ RUDN University, Moscow, Russia

² MGIMO University, MFA of Russia

* ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5129-5553>; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

** ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>; e-mail: degterev-da@rudn.ru

*** ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>; e-mail: kurylev-k@rudn.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic significantly accelerated the global power transit (from the US to the PRC) and the formation of a “new bipolarity” in Eurasia (West vs non-West), which became even more active and irreversible after the launch of the Special Military Operation in Ukraine in February 2022. In this context, the traditional views on Eurasian and post-Soviet regionalism as peripheral to Euro-Atlantic integration processes needs to be reassessed. Whereas the Russian Federation, after the events of 2014 and especially 2022, broke off a significant part of institutional relations with the Euro-Atlantic integration structures, a few post-Soviet countries inertially continue and even intensify the “rudimentary multi-vector” approach. Thus, over the past five years most of the countries of Central Asia have moved from basic partnership and cooperation agreements with the EU to extended partnership agreements that include both economic and political aspects of cooperation. Dialogue formats for cooperation between the post-Soviet countries (except the Russian Federation) and NATO have also been maintained, including the Operational Capabilities Concept, the Defense Education Enhancement Program, the Interoperability Platform, the Partnership for Peace and others. As the Ukrainian crisis has shown, the intensification of rivalry between the Eurasian and Euro-Atlantic formats of regionalism often turns the rivalry into a violent conflict, which it would be better to avoid if possible. An increase in the agency of post-Soviet regionalism with its transition from Eurocentric to a non-Western, Asian-centric one, involving the EAEU, SCO, BRICS and ASEAN is on the agenda. This article presents the main problems and prospects of this process, the dynamics of which will determine the formation of a non-Western regionalism in Eurasia.

Keywords: non-Western regionalism, Eurasia, post-Soviet space, CIS, peripheral realism, EU, «new bipolarity», USA-PRC, pragmatic Eurasianism

Acknowledgments: The authors express their sincere gratitude to the participants of the scientific workshop on non-Western regionalism in Eurasia of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University, which took place on March 24, 2023, for their assessments and valuable comments, which prompted the writing of this article.

For citation: Mirmehdi M. Aghazada, Denis A. Degterev, Konstantin P. Kurylev. Post-Soviet regionalism at a crossroads // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;3(6):341-351. (In Russ.).

В последние десятилетия в мировой политике традиционно наблюдаются два противоположных тренда – развитие глобализации и усиление региональной интеграции. Последнее предполагает возведение более высоких барьеров в отношениях с «третьими странами», не входящими в один регион.

Данная тенденция, по-видимому, будет лишь нарастать по мере формирования отдельных техноэкономических блоков¹ и «кристаллизации» блоковой дисциплины в контексте «новой биполярности».

Что ждет постсоветское пространство, включая независимые государства, ранее входившие в СССР? Каковы сценарии развития постсоветского регионализма? Об

этом пойдет речь в данной статье, написанной во многом по итогам дискуссий научного семинара по незападному регионализму, состоявшемся в РУДН в марте 2023 г.² Авторы попытались ответить на четыре исследовательских вопроса, во многом формирующих академический дискурс в данной области.

Постсоветский или евразийский регионализм?

Концептуализация постсоветского регионализма характеризуется терминологической амбивалентностью [Базавлук 2018]. Так, по мнению Р. Хеллер, термин «Евразия» обычно относится к пятнадцати международно признанным независимым государствам, возникшим в

¹ Безруков А.О. Россия и мир - 2025 год: прогноз обозримого будущего // Радонеж, 27.04.2019. - <https://radonezh.ru/2019/04/27/rossiya-i-mir-2025-god-prognoz-obozrimgo-budushchego>

² Научный семинар «Регионализм на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы». РУДН, 23.03.22. - https://www.youtube.com/watch?v=whMTMsEeunU&list=PLdPEhoOfkwj7MUdb_msJr2Y9MLMTyM3I3

результате роспуска СССР [Heller 2022: 484]. М. Молчанов считает, что Евразия – это постсоветское пространство и Китай, а регионализм в Евразии возник в начале 1990-х гг. в форме СНГ [Molchanov 2015: 2; Molchanov 2020]. Такого же мнения придерживается и Г. Йесеви Чагла [Yesevi Çağla 2014: 1986]. В свою очередь, А. Либман и А. Обыденкова считают, что понятие постсоветской региональной интеграции уступило место евразийскому регионализму несмотря на то, что границы Евразии в основном определяются границами бывшего СССР [Libman, Obydenkova 2017: 3].

По мнению Е. Винокурова и А. Либмана существуют три концепции Евразии: 1) Евразия – это есть и постсоветское пространство; 2) Евразия как идеологическая концепция, подчеркивая различия между Россией и ее соседями и европейским миром; и 3) Прагматичное евразийство, т.е. Азия и Европа рассматриваются вместе [Vinokurov, Libman 2012: 16-24].

Е. Михайленко также описывает термин «Евразия» с точки зрения трех подходов: 1) Большая Евразия, связанная с Евразийским континентом; 2) Центральная Евразия как постсоветское пространство; и 3) термин «Евразия» может ассоциироваться с конкретными интеграционными проектами в Евразии, такими как Евразийский экономический союз [Mikhaulenko 2019]. По мнению М. Лагутиной, понятие «Евразия» часто становится предметом политических спекуляций, и распространение этого термина во многом обусловлено активизацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве и созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Lagutina 2019].

Отдельного внимания заслуживает подход А. Дугина, который рассматривает регионализм на постсоветском пространстве в рамках евразийской цивилизации. По его мнению, Россия является «телом» в этой цивилизации, «но без рук, ног и головы», а для полноценной интеграции под зонтиком евразийской цивилизации необходимо восстановить исторические границы [Дугин

2022: 147]. Речь идет не об экспансии или новом виде империализма, а «о создании братства народов, культур, религий в едином общем контексте» [Дугин 2022: 148].

На наш взгляд, понятие постсоветского регионализма подчеркивает историческую общность стран региона и уже сложившийся институционализм, в т.ч. в политической сфере (СНГ), экономической (ЕАЭС) и военной (ОДКБ). С другой стороны, постсоветский регионализм характеризуется промежуточным характером («цивилизованный развод», а по сути – «контролируемый распад» некогда единого государства) и ограниченной субъектностью (полу-периферийностью) в рамках существующей мир-системы.

Евразийский – имеющий институционализацию пока лишь в формате ЕАЭС (во многом носящем европоцентричный характер) – в перспективе мог бы вступать в качестве катализатора («ядра») коллективного НеЗапада (во главе с Россией и странами Азии). Однако для этого требуется «перезагрузка» его идеологических оснований на базе западных ценностей, а также «инвентаризация» уже имеющихся договоренностей постсоветских стран с западными центрами силы (ЕС и США). Часть этих соглашений и договоренностей напрямую противоречат «духу и букве» евразийской интеграции и представляет собой «негативное наследие» постсоветского регионализма. Это обостряет соперничество между евразийскими и евроатлантическими регионализмами¹, в ряде случаев (украинский кризис) переводит его в силовую плоскость, чего хотелось бы по возможности избежать в будущем.

От периферийного регионализма к незападному?

На сегодняшний день «Коллективный Запад» обладает лидерством в развитии регионализма как в теоретическом (теория экономической интеграции Б. Балаши [Balassa 1961] и др.), так и в практическом ключе. Речь идет о сети соглашений об экономическом партнерстве, ассоциации,

¹ Евроатлантический регионализм, объединяющий в себя европейский и североамериканский (США и

Канаду) регионализмы, основан на западных ценностях и общем восприятии безопасности (НАТО).

«расширенном партнерстве» и проч. со странами Азии, Африки и Латинской Америки, «цементирующей» неокOLONиальные центр-периферийные отношения [Бокерия, Давидчук, Дегтерев и др. 2022], усиленные другими элементами «структурной власти» (по С. Стрэндж) «Коллективного Запада» –ВТО (торговля), институты Бреттон-Вудса (финансы), ОЭСР (экономика), НАТО (безопасность) [Strange 1988].

С начала 1990-х гг. этот фактор оказывал влияние и на постсоветское пространство, т.к. новые независимые государства, возникшие в результате роспуска СССР, стремились к западной модели развития и тесным связям с ЕС. Например, в 1994 г. было подписано Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС¹, схожие «базовые СПС» были заключены и с другими постсоветскими странами. С 2004 г. была начата Европейская политика соседства, с 2009 г. запущено Восточное партнерство, направленное на сближение Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы и Украины с ЕС [Стрелков 2011].

В конце 2010-х - начале 2020-х годов в отношениях с основными постсоветскими государствами (за исключением Российской Федерации) ЕС двигался в направлении обновления и углубления правовой базы сотрудничества, продолжив «увязку» торгово-экономических аспектов с политическими. Так, в 2015 г. было подписано Соглашение о расширенном партнерстве между ЕС и Казахстаном (29 направлений сотрудничества), которое полностью вступило в силу в 2020 г.², схожее соглашение в июле 2022 г. парафировал

Узбекистан³. Ожидается, что аналогичное соглашение между ЕС и Киргизией будет подписано до конца 2023 г.⁴ Таджикистан начал переговоры о заключении аналогичного соглашения в феврале 2023 г.⁵ Правовой основой партнерства Армении и Европейского Союза является Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, которое было подписано 24 ноября 2017 г. Соглашение временно применялось с 1 июня 2018 г. и вступило в силу 1 марта 2021 г.⁶ Фактически, в новой конфигурации «расширенных СПС» страны «Коллективного Запада» договорным путем продолжают «выдавливать» Россию из постсоветского пространства. ЕС по-прежнему «плетет паутину» неокOLONиального регионализма вокруг России, но уже без участия России.

Постсоветский опыт европоцентричного регионализма является частным проявлением более широкой тенденции. По факту любой евразийский (африканский, латиноамериканский и др.) регионализм, основанный на европоцентричном подходе, является периферийным по отношению к ЕС, и структурирует неравноправные, асимметричные отношения Евросоюза как основного проводника торгового неокOLONиализма «Коллективного запада» и незападных стран, разрушает естественный процесс региональной интеграции [Amuhaya, Degterev 2022: 125-177]. Неслучайно возникновение целого веера работ по сравнительному регионализму, сопоставляющих конкретные параметры «периферийности» тех или иных отношений [Börzel, Risse 2019; Mattheis, Raineri, Russo 2019].

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между РФ, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. 24 июня 1994 г. - <https://docs.cntd.ru/document/1900668> (дата обращения: 29.03.2023).

² Новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве Казахстана и ЕС вступило в силу // ТАСС, 01.03.2020. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7870965> (дата обращения: 29.03.2023).

³ Узбекистан и ЕС завершили переговоры по Соглашению о расширенном партнёрстве и сотрудничестве // Газета.uz, 07.07.2022. - <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/07/eu/> (дата обращения: 29.03.2023).

⁴ Бишкек рассчитывает подписать соглашение о партнерстве с ЕС в течение этого года // ТАСС, 19.01.2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16834049> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ Таджикистан и Евросоюз рассмотрели возможности расширения договорно-правовой базы // МИД Таджикистана, 24.02.2023. <https://mfa.tj/ru/main/view/12139/tadzhikistan-i-evrosoyuz-rassmotreli-vozmozhnosti-rasshireniya-dogovorno-pravovoi-bazy> (дата обращения: 29.03.2023).

⁶ Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве // https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eap_cerpa_armenia_factsheet_ru.pdf (дата обращения: 29.03.2023).

Гораздо сложнее обстоит дело с незападным регионализмом, «за пределами европоцентризма» [Acharya 2016]. Его подвергают в лучшем случае – умолчанию (отрицание как первая стадия принятия неизбежного), а то и откровенному остракизму, называя, например, «авторитарным» [Obydenkova, Libman 2019; Russo, Stoddard 2018] (гнев – вторая стадия). Но на подходе уже следующая стадия принятия (торг), что особенно заметно по работам в бизнес-аналитике, ведь деловые круги первыми сталкиваются с новой реальностью [De Lombaerde, Moldashev, Qoraboyev et al. 2022].

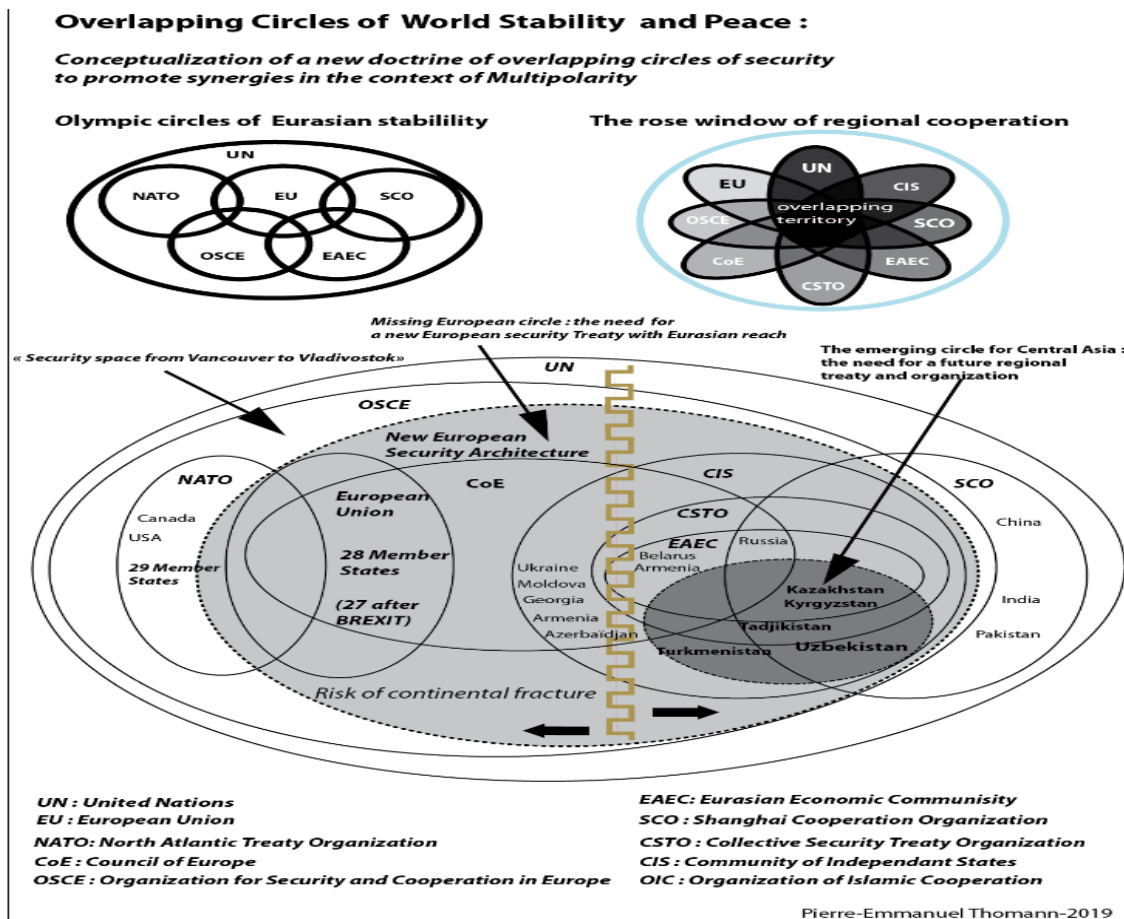
Сегодня практической реализацией незападного (не-европоцентричного) формата региональной интеграции выступает Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), основу которого составляют страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН+5). Однако этот формат азиатский, в котором пока нет места постсоветскому регионализму.

С другой стороны, динамика развития событий делает неизбежным постепенное

смещение постсоветского регионализма от европоцентричного к незападному, азиатскому. Ведь между западным и незападным регионализмом формируется новый «железный занавес», что наглядно показывает в своих геополитических изысканиях П.-Э. Томанн (см. рис. 1) [Гласер, Томанн, Новик 2021: 22]. И чем раньше придет осознание данного факта и адаптация к новым реалиям, тем выше будет субъектность постсоветского регионализма в рамках азиатского.

Конец «геополитического плюрализма»?

С роспуском СССР в 1991 г. и созданием СНГ усилилось внимание к постсоветскому региону со стороны крупнейших международных акторов, каждый из которых стремился реализовать собственные интересы. Геополитические, культурно-цивилизационные, социальные характеристики этой территории таковы, что складывающиеся здесь конфигурации не могут не влиять на основополагающие контуры миропорядка XXI столетия. А для России – ядра постсоветского пространства – они очевидным образом представляют

экзистенциальную значимость [Курылев, Савичева, 2013: 5].

Приход новых игроков привел к расслоению региона, начался процесс «формирования геополитического плюрализма, то есть дробления национально-государственных суверенитетов над территорией» [Курылев, Дегтерев, Смолик, Станис 2018: 135]. Идеологом концепции геополитического плюрализма считается Зб. Бжезинский, который еще в 1994 г. говорил о том, что «основной целью реалистической и долгосрочной большой стратегии должно быть утверждение геополитического плюрализма в рамках бывшего Советского Союза. В данной цели находят более удачное определение американские интересы в долгосрочной перспективе» [Бжезинский, 1994, 58].

Одним из последствий, к которым привела пандемия коронавируса, стала глобальная геополитическая динамика, которая начала стремительно меняться, ускорив процессы, связанные с властным транзитом по линии США-КНР и начавшемуся переходу к новому мироустройству на принципах «новой биполярности» [Дегтерев, Рамич, Цвык 2021]. Период доминирования «Коллективного Запада», продолжавшийся несколько столетий, завершается, а вместе с ним и императив на безусловную интеграцию в западноцентричные институты, который продолжительное время был характерен как для российской, так и позднесоветской внешней политики [Курылев, Дегтерев, Грачиков и др. 2022].

Данный международно-политический процесс обрел бесповоротный характер с началом Специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 г. И прав министр иностранных дел С.В. Лавров, заявлявший, что «это судьбоносный, эпохальный момент современной истории, потому что он отражает «битву» в самом широком смысле этого слова за то, как будет выглядеть миропорядок»¹.

В этих условиях многим странам постсоветского пространства только предстоит переосмыслить макро-исторический характер событий, происходящих на евразийском пространстве, да и во всем мире, выйти из «зоны комфорта», пересмотрев привычную политику многовекторности. Это время безвозвратно ушло и быть «слугой двух господ» уже не получится. Придется выбирать, в т.ч. с учетом географического положения, один из полюсов пост-западного мира – либо сторону Коллективного Запада (гегемонистская коалиция), либо сторону Коллективного не-Запада в лице Китая, России и др. стран, чаяния которых разделяют большинство развивающихся стран («Глобальный Юг»).

На данный момент в постсоветской Евразии пока сохраняется инерционность восприятия событий и реакции на них, продолжают попытки и дальше следовать курсом на устаревшую в современных условиях многовекторность. Понятно, что масштаб ожидаемых перемен огромен, но их в любом случае придется рано или поздно делать. Бескомпромиссный характер противостояния будет только нарастать, на повестке – новая «конфронтационная биполярность» [Дегтерев, Рамич, Цвык 2021: 226].

Подобная инертность и стремление сохранить над собой «зонтик» многовекторности детерминирован тем, что постсоветские страны, в своем большинстве относятся к малым и средним державам [Дегтерев, Василюк, Баум 2018: 63]. Им нужны гарантии безопасности, поэтому они активно взаимодействуют на внешнем контуре с самыми разными международными акторами. Конфигурации подобного сотрудничества просто поражают воображение. Вот, где принцип «нельзя объять необъятного» не работает.

С одной стороны, действует ОДКБ, в состав которой входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и

¹ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалу РБК, Москва, 16 марта 2022 г. //

https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1804655/

Таджикистан, играющая особую роль в обеспечении региональной безопасности¹.

С другой стороны, наблюдается широкое сотрудничество постсоветских стран с НАТО в рамках следующих программ: 1. Концепция оперативных возможностей – Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Украина; 2. Программа совершенствования военного образования – Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдавия, Узбекистан, Украина³. Индивидуальные планы действий партнёрства – Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдавия; 4. Платформа оперативной совместимости – Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдавия, Украина; 5. Привилегированное партнёрство – Грузия, Украина; 6. Инициатива содействия внеблоковым государствам в укреплении потенциала в сфере безопасности и обороны – Грузия, Молдавия.

И это мы еще оставили за скобками Совет евроатлантического партнерства и Программу «Партнерство ради мира», куда в свое время вступили и Россия, и Белоруссия, и даже Туркменистан. Но и без этого имеющийся расклад впечатляет. И если относительно позиций Украины, Грузии и Молдовы, уже давно взявших курс на евроатлантическую интеграцию, вопросов не возникает; то Армения и Казахстан, участвующие в большинстве инициатив натовцев, являют собой наиболее яркий пример феномена «рудиментарной многовекторности».

«Неизбирательности» соседей России способствовали и определенные проблемы внутри самой ОДКБ: пограничные споры между Кыргызстаном и Таджикистаном, «обиды» Армении на продемонстрированный прагматизм Москвы в условиях Второй Карабахской войны и последовавших событий в регионе. Все это придало дополнительный импульс центробежным силам в регионе.

Пример с ОДКБ является отражением более общих параллельных процессов, происходивших в течение всего

постсоветского периода в регионе СНГ. С одной стороны, это центристские тенденции, обуславливавшие развитие интеграции на пространстве Содружества, с другой стороны – тенденции центробежные, поощрявшие развитие дезинтеграционных процессов [Курылев, 2010, с. 22]. Но в современных условиях «новой биполярности» ширина коридора для «многовекторных маневров» существенно сужается.

В Казахстане, где прямое западное влияние в значительной степени уменьшилось, в последнее время значительно активизировалась Турция – член НАТО, и по мнению ряда экспертов – «прокси» Великобритании в реализации проекта «Великого Турана» в ущерб российским интересам [Гасанов 2023]. В частности, преобразование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. привело к еще большему усилению влияния Турции над тюркоязычными государствами ЦА. Таджикистан и Киргизия с большей степенью детерминированности тяготеют в сторону Не-Запада. Страны ЦА, как и страны Южного Кавказа находятся на перепутье. Между тем граница между Западом и неЗападом проходит намного западнее – между Белоруссией и Польшей, а также по территории Украины. А «география – это (судьба) приговор», как любил говорить Наполеон.

Прагматичное евразийство как попытка балансировать?

Основная идея прагматичного евразийства, которое включает в себя и Европу, и Азию, заключается в поддержке взаимодействия между различными частями евразийского континента, уходу от блокового мышления. Данный подход подразумевает реальные экономические и политические связи между странами [Vinokurov, Libman 2012: 24]. С первого взгляда, такая концепция евразийства кажется идеальной с точки зрения развития торгово-экономических связей и укрепления политических отношений между странами.

¹ Именно ОДКБ сыграла ключевую роль в стабилизации внутривосточной ситуации в Казахстане в начале 2022 г.

Однако в существующей конфигурации любая попытка развития отношений с ЕС приводит к закреплению неравноправных центр-периферийных отношений, усилению влияния Коллективного Запада на постсоветский мир, и в итоге – к экзистенциальным угрозам экономическому и политическому суверенитету.

С другой стороны, если позитивно оценить эту концепцию, то она может сыграть ключевую роль в реализации проекта «Большого Евразийского партнерства». По словам Президента России В.В. Путина «Большая Евразия – это большой цивилизационный проект, главной идеей которого является создание общего пространства равноправного сотрудничества для региональных организаций»¹.

К сожалению, в ближайшей перспективе полноценная реализация данного проекта

становится недостижимым идеалом, т.к. европейские страны не являются самостоятельными акторами мировой политики, а американское влияние на ЕС особенно после начала СВО многократно усилилось. Как неоднократно отмечается в Концепции внешней политике РФ 2023 г., сотрудничество России с зарубежными странами выстраивается «с учетом степени их самостоятельности и конструктивности проводимой ими политики в отношении РФ»², что, по крайней мере, в среднесрочной перспективе явно не относится к ЕС.

Тем самым, на сегодняшний день развитие данного проекта возможно лишь без европейских организаций, но с участием ЕАЭС, ШОС, БРИКС и АСЕАН, которые являются ключевыми незападными акторами в процессе формирования нового регионализма в Евразии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базавлук С.В.* Евразийство: терминологическая амбивалентность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. №2. С. 273-283.
- Бжезинский З.* Преждевременное партнерство // ПОЛИС. Политические исследования, 1994. № 1. С. 58.
- Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А., и др.* Советские исследования неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. №4. С. 671-687.
- Гасанов К.* Влияние Великобритании на политику Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. №3. С. 168-190.
- Гласер М.А., Томанн П.Э., Новик Н.Н.* Большая Евразия и Большая Европа: Геополитика перспектив сотрудничества // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 12-28.
- Дегтерев Д.А., Василюк И.П., Баум В.В.* Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 1. С. 63-75.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 210-231.
- Дугин А.Г.* Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук: интервью с Александром Гельевичем Дугиным, доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения. Интервью провела М. А. Баранник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 142—152.
- Курылев К.П.* Специфика интеграционных процессов в СНГ // СНГ: проблемы, поиск, решения. Ежегодник. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 22.

¹ Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // <https://tass.ru/ekonomika/14737439> (дата обращения: 29.03.2023).

² Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023 об утверждении Концепции внешней политики РФ. - <http://kremlin.ru/events/president/news/70811>

- Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Грачиков Е.Н., Шпаковская М.А.* Назад в будущее: советская внешняя политика 2.0 // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 7. С. 754-763.
- Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13, № 1. С. 134-156.
- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств: учеб.-метод. Пособие для студентов-бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во РУДН, 2013. С. 5, 7.
- Молчанов М.А.* Евразийский регионализм как исследовательское поле. Интервью с Михаилом Александровичем Молчановым, профессором, членом Совета Программы глобальных и международных исследований, Университет Саламанки, Испания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. №3. С. 560-573.
- Стрелков А.А.* Политика Европейского союза в постсоветском регионе // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 9-38.
- Acharya A.* Regionalism Beyond EU-Centrism. In Börzel T.A., Risse Th. (Eds). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109-130.
- Amuhaya C.A., Degterev D.A.* A Century of East African Integration. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. London: George Allen & Unwin, 1961.
- Börzel T.A., Risse T.* Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. 26 (08). P. 1231-1252.
- De Lombaerde P., Moldashev K., Qoraboyev I. et al.* Strategic responses of regional economic organizations to the Chinese Belt and Road Initiative: the cases of ASEAN, EAEU, and EU // Asia Pacific Business Review, 2022. Online.
- Heller R.* Eurasian Regionalism from the Perspective of Scale: Overcoming Conceptual Divides in the Entangled Fields of IR and Eurasian Studies // European Review of International Studies. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 483-519
- Lagutina M.A.* Concept of Eurasia: From Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 1-15.
- Libman A., Obydenkova A.* Why is the 'Post-Soviet' Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia. Munich Personal RePEc Archive, 2017. 21 p.
- Mattheis F., Raineri L., Russo A.* Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Cham: Palgrave Pivot, 2019.
- Mikhaylenko E.* Eurasian Regionalism: Specifics, Problems, and Prospects // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 16-36.
- Molchanov M.A.* Eurasian Regionalisms and Russian Foreign Policy (1st ed.). London: Routledge, 2015.
- Obydenkova A., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford university press, 2019. *Russo A., Stoddard E.* Why do Authoritarian Leaders do Regionalism? Ontological Security and Eurasian Regional Cooperation // The International Spectator. 2018. No 53(3). P. 20-37.
- Strange S.* States and markets. New York: Bloomsbury, 1988.
- Vinokurov E., Libman A.* Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. London: Palgrave Macmillan, 2012.
- Yesevi Çağla G.* New Regionalism in Post-Soviet Territory: Evolution from Eurasian Economic Community to Eurasian Economic Union // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. 5(23). P. 1986-1994.

REFERENCES

- Acharya A.* Regionalism Beyond EU-Centrism. In Börzel T.A., Risse Th. (Eds). The Oxford Handbook of Comparative Regionalism. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 109-130.
- Amuhaya C.A., Degterev D.A.* A Century of East African Integration. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.
- Bazavluk S.V.* Evraziistvo: terminologicheskaya ambivalentnost' // Vestnik RUDN. International Relations. 2018. Vol. 18. №2. P. 273-283.
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. London: George Allen & Unwin, 1961.
- Bzhezinskii Z.* Prezhdevremennoe partnerstvo // POLIS. Politicheskie issledovaniya, 1994. № 1. P. 58.
- Börzel T.A., Risse T.* Grand theories of integration and the challenges of comparative regionalism // Journal of European Public Policy. 2019. 26 (08). P. 1231-1252.
- Degterev D.A., Vasiljuk I.P., Baum V.V.* Parametry mnogovektornosti vneshnej politiki stran SNG: prikladnoj analiz // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. Vol. 62, № 1. P. 63-75.
- Degterev D.A., Ramich M.S., Cvyk A.V.* SShA — KNR: «vlastnyj tranzit» i kontury «konfliktnoj bipoljarnosti» // Vestnik RUDN. International Relations. 2021. Vol. 21. No 2. P. 210-231.
- De Lombaerde P., Moldashev K., Qoraboyev I. et al.* Strategic responses of regional economic organizations to the Chinese Belt and Road Initiative: the cases of ASEAN, EAEU, and EU // Asia Pacific Business Review, 2022. Online.
- Dugin A.G.* Evrazijstvo kak nezapadnaja jepistema rossijskih gumanitarnyh nauk: interv'ju s Aleksandrom Gel'evichem Duginym, doktorom politicheskikh nauk, doktorom sociologicheskikh nauk, professorom, liderom Mezhdunarodnogo Evrazijskogo dvizhenija. Interv'ju provela M. A. Barannik // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, No 1. P. 142—152.
- Gasanov K.* Vliyanie Velikobritanii na politiku Turtsii v Zakavkaz'e i na Blizhnem Vostoke // Vestnik RUDN. International Relations. 2023. Vol. 23. №3. P. 168-190.
- Glaser M.A., Tomann P.Je., Novik N.N.* Bol'shaja Evrazija i Bol'shaja Evropa: Geopolitika perspektiv sotrudnichestva // Aktual'nye problemy Evropy. 2021. № 1 (109). P. 12-28.
- Kurylev K.P.* Specifika integracionnyh processov v SNG // SNG: problemy, poisk, resheniya. Ezhegodnik. M.: Izd-vo RUDN, 2010. P. 22.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Grachikov E.N., Shpakovskaya M.A.* Nazad v budushchee: sovetskaya vneshnyaya politika 2.0 // Postsovetskie issledovaniya. 2022. Vol. 5. № 7. P. 754-763.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V.* Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo pljuralizma postsovetskogo prostranstva // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2018. Vol. 13, № 1. P. 134-156.
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv: ucheb.-metod. Posobie dlya studentov-bakalavrov i magistrrov napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya». 3-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo RUDN, 2013.
- Mattheis F., Raineri L., Russo A.* Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Cham: Palgrave Pivot, 2019.
- Molchanov M.A.* Evraziiskii regionalizm kak issledovatel'skoe pole. Interv'yu s Mikhailom Aleksandrovichem Molchanovym, professorom, chlenom Soveta Programmy global'nykh i mezhdunarodnykh issledovaniy, Universitet Salamanki, Ispaniya // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20. №3. P. 560-573.
- Strelkov A.A.* Politika Evropejskogo sojuza v postsovetskom regione // Aktual'nye problemy Evropy. 2011. № 2. P. 9-38.
- Heller R.* Eurasian Regionalism from the Perspective of Scale: Overcoming Conceptual Divides in the Entangled Fields of IR and Eurasian Studies // European Review of International Studies. 2022. Vol. 9, No. 3. P. 483-519
- Lagutina M. A.* Concept of Eurasia: From Classical Eurasianism to Pragmatic Eurasianism // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 1-15.

- Libman A., Obydenkova A.* Why is the 'Post-Soviet' Regionalism Post-Soviet? Historical Legacies and Regional Integration in Eurasia. Munich Personal RePEc Archive, 2017. 21 p.
- Mikhaylenko E.* Eurasian Regionalism: Specifics, Problems, and Prospects // Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union / ed. by M. Lagutina. Hershey, PA: IGI Global, 2019. P. 16-36.
- Molchanov M.A.* Eurasian Regionalisms and Russian Foreign Policy (1st ed.). London: Routledge, 2015.
- Obydenkova A., Libman A.* Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations: Global Perspective and the Eurasian Enigma. Oxford: Oxford university press, 2019.
- Russo A., Stoddard E.* Why do Authoritarian Leaders do Regionalism? Ontological Security and Eurasian Regional Cooperation // The International Spectator. 2018. No 53(3). P. 20-37.
- Strange S.* States and markets. New York: Bloomsbury, 1988.
- Vinokurov E., Libman A.* Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. London: Palgrave Macmillan, 2012.
- Yesevi Çağla G.* New Regionalism in Post-Soviet Territory: Evolution from Eurasian Economic Community to Eurasian Economic Union // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. 5(23). P. 1986-1994.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия. E-mail: agazade-mm@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич, д.п.н., к.э.н., профессор, заведующий кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия; профессор кафедры мировой экономики МГИМО МИД России. E-mail: degterev-da@rudn.ru

Курылев Константин Петрович, д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва, Россия. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Mirmehdi M. Aghazada — PhD in History, Senior lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. E-mail: agazade-mm@rudn.ru

Denis A. Degterev, Doctor of Political Sciences, Candidate of Economic Science, Professor, Head of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia; Professor of World Economy Department, MGIMO-University, MFA of Russia. E-mail: degterev-da@rudn.ru

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University. Moscow, Russia. E-mail: kurylev-kp@rudn.ru